

Недалеко кто-то крикнул:

— Учитель идёт!

Эта фраза заставила многих разбежаться, как стая птиц, в сторону заранее подготовленного лагеря.

Когда учитель Ван подошла, у реки осталось совсем немного людей. Самыми заметными были Шэнь Чэн, только что перевязавший Сяосяо, и плачущая девочка.

Учитель Ван, охваченная гневом, спросила:

— Кто разрешил вам приходить к реке?

Девочка заплакала ещё громче.

Осмотрев рану, учитель Ван сама была поражена. Директор поручил ей одной присматривать за двумя классами, что ей не нравилось, но если что-то случится, она не сможет избежать ответственности. Если бы она переложила вину на шалости учеников, это было бы неплохим решением. Когда директор спросит, у неё будет объяснение.

Подойдя ближе и убедившись, что рана была обработана, она сказала девочке:

— Не плачь, ничего страшного. Скоро придёт учитель и отведёт тебя вниз с горы.

Недалеко собрались одноклассники, наблюдая за происходящим.

Учитель Ван собрала весь класс и строго спросила:

— Кто первым предложил пойти играть у воды?

— Разве я не говорила перед походом, что нельзя бегать где попало?

Её гнев нарастал. Увидев, что Шэнь Чэн и девочка стояли ближе всех, она спросила:

— Это ты?

Если бы на месте учителя Ван была классный руководитель Хуан Яо, она бы никогда не задала такого вопроса. Но мысли учитель Ван были просты: если Шэнь Чэн не был причастен, зачем он стоял у реки? Если он не имел к этому отношения, зачем он помогал перевязывать рану? Разве это не признак вины?

Чем больше она думала, тем больше убеждалась в своей правоте. Она снова обратилась к девочке:

— Это он?

Слёзы Сяосяо ещё не высохли. Девочка, напуганная грозным видом учитель Ван, боялась признаться, что сама захотела поиграть у воды. Если родители узнают, её накажут. Если она переложит вину на кого-то другого...

Она посмотрела на других одноклассников.

Выражения их лиц были разными. Все знали, что это не Шэнь Чэн, но если они укажут на Цзи

Бэйчуаня, учитывая характер этого молодого господина, смогут ли они жить спокойно в будущем? Если они промолчат, всё будет в порядке. В конце концов, молчали только они.

Учитель Ван повысила голос:

— Говорите же!

Цзянь Шиу, стоявший неподалёку, посмотрел на Шэнь Чэна. На руках юноши остались следы крови, которые он ещё не успел смыть. Он спокойно стоял там, его взгляд скользил по толпе молчаливых людей. Если бы это было в телесериале, он мог бы быть героем, которого все восхваляют. Но в реальности всё было не так романтично.

Каждый думал только о себе.

Каждый боялся сильных и обижал слабых. Никто не хотел ссориться с богатым и влиятельным молодым господином.

Реальность была жестокой, настолько жестокой, что это заставляло кровь стынуть в жилах.

У реки на мгновение воцарилась тишина. Эта тишина заставила Цзянь Шиу почувствовать удушье. Внезапно он вспомнил, что в прошлой жизни во время весенней экскурсии тоже произошёл инцидент. Тогда он убежал далеко, чтобы купить воду, а когда вернулся, узнал, что один из учеников получил травму и спустился с горы. Шэнь Чэн тоже ушёл, и все молчали об этом. Он не стал расспрашивать.

Позже Шэнь Чэн становился всё более замкнутым, холодным и отстранённым.

Другие говорили, какой же он бесчувственный, какое у него холодное сердце. Наблюдатели смотрели свысока, видя только то, что хотели видеть, думая только о том, что хотели думать. Никто не хотел заглянуть за ледяной щит, за которым скрывалась израненная душа.

Насколько же разочарован был Шэнь Чэн в тот день?

Весенний ветер дул через озеро, преодолевая расстояние. Цзянь Шиу поднял голову и встретился взглядом с Шэнь Чэном. Казалось, сквозь мрак ночи он увидел слабый огонёк в глубине его глаз. Юноша прищурился и отвёл взгляд.

Необъяснимо

Цзянь Шиу почувствовал, что он должен что-то сделать, чтобы сохранить этот последний огонёк надежды.

У ручья было тихо.

Ученики молчали, как перепуганные перепёлки. Кто-то хотел выступить, но его остановили, и он снова замолчал.

Учитель Ван поправила очки и сказала Шэнь Чэну:

— Хотя это ты первым спустился к ручью, ты оказал первую помощь однокласснице, что можно считать заслугой. После возвращения напиши объяснительную. За такой серьёзный проступок ты не сможешь участвовать в дальнейшем восхождении. Конечно, остальные ученики тоже должны взять это за урок...

В глазах Шэнь Чэна мелькнула лёгкая насмешка.

Юноша не стал оправдываться, словно молча принял всё на себя. Если хотят обвинить, всегда найдут причину. Пусть эта комедия закончится здесь.

Почему-то учитель Ван, увидев молчаливого Шэнь Чэна, почувствовала необъяснимую вину. Ей хотелось поскорее закончить это:

— Ладно, пора продолжать путь. Если у вас больше нет дел...

— Учитель, у меня есть дело.

У берега ручья маленький пухлый мальчик поднял руку. Он был чуть ниже многих из стоявших в ряд, но здесь он сделал шаг вперёд. Он повторил:

— Учитель, у меня есть.

Шэнь Чэн взглянул на него.

Мальчик был так нервничал, что его голос дрожал, но он упрямо сказал:

— Если Шэнь Чэн должен написать объяснительную за то, что оказался у ручья, и не сможет продолжить восхождение, то я тоже прошу вернуться.

Учитель Ван была ошеломлена.

Весенний ветер мягко дул вдоль берега ручья.

Слова, которые должны были звучать дерзко, произнесённые Цзянь Шиу, звучали удивительно спокойно:

— Если бы не староста, я бы не смог набрать больше 80 баллов. Это он дал мне возможность поехать сюда. Люди делают, а небо видит. Моя мама всегда учила меня, что нужно быть совестливым.

Он говорил это учителю, но лица многих учеников вдруг изменились. Они могли обманывать себя, но в этот момент кто-то как будто поднёс зеркало, заставив их увидеть своё уродство.

В глазах Шэнь Чэна мелькнуло что-то. Его тёмные глаза чётко отражали фигуру Цзянь Шиу.

Обезьяна, стоявший за пухлым мальчиком, тоже поднял руку:

— Учитель, я тоже прошу вернуться.

Двое учеников так дерзко себя вели, что лицо учитель Ван исказилось от злости.

Из толпы Цзи Бэйчуань крикнул:

— Цзянь Шиу, ты думаешь, что можешь просто так вернуться? Разве школа твоя? Это твой личный автобус, чтобы тебя отвезти обратно?

Цзянь Шиу спокойно улыбнулся:

— Мне жаль, что я не смогу продолжить поход, но мне спокойно. А ты, даже если поднимешься

на гору, сможешь ли поднять голову, трусливый черепаха?

— Ты!

Цзи Бэйчуань покраснел от злости.

Он оглянулся на других учеников, но большинство из них выглядели серьёзно. Слова Цзянь Шиу легли на их сердца, как тяжёлый камень, не давая поднять голову.

Наконец —

Кун Вэньцзин первая выступила вперёд:

— Учитель, простите, это не Шэнь Чэн привёл нас сюда. Мы сами спустились. Если наказывать, то и я виновата. Если староста должен вернуться, то и я должна вернуться.

Цзи Бэйчуань смотрел на неё с недоверием.

За первой последовала вторая, муки совести терзали их:

— Учитель, простите, я тоже виноват.

— Накажите меня, я сам спустился.

— Учитель, я тоже...

Весь класс, который до этого молчал, словно перепёлки, вдруг оживился из-за нестандартного поступка Цзянь Шиу. Все наперебой признавались в своей вине, создавая шумную сцену.

Раньше они не были близки с Шэнь Чэном, но боялись Цзи Бэйчуаня, поэтому молчали. Но теперь они были в долгу перед Шэнь Чэном. Цзянь Шиу был прав: хотя наказание за ошибку неприятно, разве оставаться с опущенной головой лучше?

Учитель Ван, раздражённая, сказала:

— Вы, вы...

Сяосяо, которая порезала ногу, увидела, что одноклассники признались в своей вине. Она посмотрела на Шэнь Чэна и заметила, что он даже не смотрит в её сторону. На мгновение она почувствовала сильное смущение. Воспоминания о том, как Шэнь Чэн помогал ей с уроками, заставили её почувствовать вину. Цзянь Шиу был прав: если человек не может поднять голову, небо не простит её. Она уже совершила одну ошибку, нельзя продолжать ошибаться.

Думая об этом, Сяосяо набралась смелости и громко сказала:

— Учитель Ван, мне тоже есть что сказать. Простите, это я сама порезалась о стекло, играя у воды. Я увидела, что Цзи Бэйчуань первым зашёл в воду, и подумала, что это безопасно. Староста увидел, что я поранилась, и помог мне. Не наказывайте его, простите.

Учитель Ван пошатнулась, смотря на девочку с недоверием. Всё произошло так внезапно, что она даже растерялась.